

СКОТТ РЕЙНС

БЕЗЛИЦЫЙ

18+

Скотт Рэйнс

Безликий

<https://litres.ru/74595959>

SelfPub; 2026

Аннотация

В провинциальном промышленном городке Окхейвен паника. Местный серийный убийца, прозванный в народе Безликим, оставляет за собой десятки трупов. На телах нет следов борьбы, удушья или насилия, но у каждого аккуратно срезана кожа с лица. Хуже того, Безликий будто обладает пугающим даром: его жертвы умирают в разных концах города в одну и ту же минуту.

Офицер полиции Томас Коллинз, чья личная жизнь рушится из-за долгов брата и развода с женой, пытается зацепиться хоть за одну логическую улику.

Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, к расследованию привлекают гениального детектива со стороны. С этого момента в Окхейвене начинается жестокая и смертельная игра умов, где на кону стоят сотни жизней, а цена любой ошибки — очередное безликое тело.

Содержание

Предисловие	6
Пролог. Анатомия пустоты	9
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Скотт Рэйнс

Безликий

БЕЗЛИКИЙ

Скотт Рэйнс

Оттава · 2027

© Скотт Рэйнс, 2027

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

В провинциальном промышленном городке Окхейвен паника. Местный серийный убийца, прозванный в народе Безликим, оставляет за собой десятки трупов. На телах нет следов борьбы, удушья или насилия, но у каждого аккуратно срезана кожа с лица. Хуже того, Безликий будто обладает пугающим даром: его жертвы умирают в разных концах города в одну и ту же минуту.

Офицер полиции Томас Коллинз, чья личная жизнь рушится из-за долгов брата и развода с женой, пытается зацепиться хоть за одну логическую улику.

Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, к расследованию привлекают гениального детектива со стороны. С этого момента в Окхейвене начинается жестокая и смертельная игра умов, где на кону стоят сотни жизней, а цена любой ошибки — очередное безликое тело.

Верстка и дизайн обложки: Скотт Рэйнс.

Корректор: Скотт Рэйнс.

«В мире, израненном несправедливостью, подлинное правосудие измеряется не количеством наказанных монстров, а крупными человеческими, которую нам удалось защитить и сберечь в собственной душе».

— Скотт Рэйнс

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Посвящается всем, кто когда-то остался один в темноте, но выбрал стать щитом, а не оружием.

Предисловие

Это моя вторая книга. Казалось бы, должно быть проще, но нет — я вновь подхожу к тексту с огромным трепетом и волнением. Сейчас история находится на этапе черновика, и, скажу прямо, она даётся мне тяжело. Чтобы написать такой сюжет грамотно, нужно приложить очень много усилий. Моя задача — сделать так, чтобы противостояние двух умов выглядело реалистичным, логичным и умным. А между ними стоит уставший полицейский, который пытается во всём этом разобраться. Свести их вместе так, чтобы всё работало как точные часы, — это огромный интеллектуальный труд.

Эта книга местами будет тёмной и неудобной. Но я делал её такой не ради того, чтобы просто напугать или шокировать. Мне хотелось докопаться до предела: на что способен человек, когда его разум работает на полную мощность, а моральные ориентиры стёрты. Поэтому мне пришлось закопаться в учебники по химии и криминальную хронику. Я не химик по образованию, поэтому каждая формула и каждый шаг убийцы выверялись так, чтобы это работало в реальном мире, а не только в моей голове. Надеюсь, вы оцените эту достоверность.

При этом я сразу знал, что не хочу писать просто крепкий

детектив или обычную битву умов. Конечно, я планирую под завязку наполнить сюжет загадками, логикой и тонкостями — этого тут будет сполна. Но самое главное для меня — это внутренний смысл произведения. Я искренне надеюсь, что вы сможете найти в этой истории что-то важное для себя. А чтобы нам было проще понять друг друга, в самом конце, в послесловии, я постараюсь подробно объяснить, что именно я пытался сюда заложить.

Мне часто думается о том, почему моим героям именно столько лет. Наверное, потому, что в этом возрасте человек уже может обладать колоссальным, острым умом, но у него ещё нет жизненного опыта и внутренних тормозов. Когда такой интеллект сталкивается с жестокостью, последствия становятся необратимыми. Мне хотелось показать именно эту изнанку.

Спасибо, что взяли эту книгу в руки и решили уделить ей своё время. Для меня это по-настоящему важно. У меня есть только одна просьба: обращайте внимание на детали. На мелкие диалоги, на формулы и незначительные, казалось бы, поступки. В этой книге нет ничего случайного.

С глубоким уважением и надеждой, Скотт Рэйнс.

Оглавление

Предисловие

Пролог. Анатомия пустоты

Глава I. Две жизни

Глава II. Иллюзия расстояния

Глава III. Мальчик в слишком большом пальто

Глава IV. Проверка на прочность

Глава V. Демонстрация силы

Глава VI. Исповедь Хантера

Глава VII. Шахматная доска Окхейвена

Глава VIII. Огонь над морем

Глава IX. Триста два

Эпилог. Эхо Окхейвена

Послесловие

Благодарность

Пролог. Анатомия пустоты

Л

едяной осенний дождь затекал Томасу Коллинзу за воротник, пока тот пытался рассмотреть срез на месте лица Старика Ральфа. Было пять часов утра. Томас стоял на пустыре за заброшенной трикотажной фабрикой, переступая с ноги на ногу в глубокой грязи. Его била мелкая дрожь то ли от пронизывающего ветра, то ли от недосыпа.

В кармане брюк в очередной раз зажужжал телефон. На экране высветилось имя: **Клэр**.

Томас заставил себя зажмуриться и до хруста сжал челюсти. Это был уже шестой звонок за последние полчаса. Он прекрасно знал, что услышит. Его младший брат Джимми снова сорвался, залез в долги к местным полукриминальным букмекерам с окраины и, чтобы спасти свою шкуру, вытащил последние сбережения Клэр из их семейного тайника. Внутри Томаса закипала злость, смешанная с полным бессилием. Ему хотелось ответить, наорать на жену, пообещать, что он найдёт этого придурка и вытрясет из него всё до цента. Но прямо перед ним, у основания серого бетонного забора, лежало то, что требовало его немедленного присутствия. Томас немедленно сбросил звонок и убрал телефон обратно.

Старик Ральф был местным бездомным, которого в Ок-хейвене знал каждый патрульный. Он сидел, прислонившись спиной к бетонным плитам. Его ноги в грязных стоптанных ботинках были вытянуты вперед, а голова неестественно запрокинута назад, как будто он пытался рассмотреть хмурое утреннее небо.

Томас опустил на корточки и направил луч фонаря ниже. От самой линии роста волос на лбу и до подбородка шла сплошная рана. Кожа была снята целиком. В жёлтом свете тускло поблёскивали обнажённые лицевые мышцы и сероватая кость челюсти. Глаза покойника были открыты и тупо пялились в пустоту.

Коллинз нахмурился, вглядываясь в детали. Что-то в этой картине категорически не сходилось с его двенадцатилетним опытом работы в убойном отделе. **Вокруг тела не было крови.** На пористом сером бетоне забора за спиной Ральфа не виднелось ни единой брызги, ни единого потёка. Тёмная засаленная куртка бездомного была мокрой от дождя, но воротник оставался чистым. При подобной травме одежда должна была промокнуть насквозь в первые же секунды.

За спиной слышались шаги по лужам и хриплое отдышливое дыхание. На пустырь вышел судмедэксперт Шон Брейди. Он держал в зубах незажжённую сигарету, воротник его плаща был поднят, а под глазами залегли тяжёлые мешки.

— Чёрт бы тебя побрал, Коллинз, — проворчал Брейди вместо приветствия, опуская свой чемоданчик на относи-

тельно сухой обломок кирпича. — Пять утра. В воскресенье. Надеюсь, у тебя тут что-то стоящее, а не просто замёрзший бродяга.

— Смотри сам, Шон, — сказал Томас, уступая место и подсвечивая голову Ральфа.

Брейди подошёл ближе, наклонился, и его недовольное ворчание тут же прекратилось. Эксперт присвистнул, выплюнул сигарету прямо в грязь и быстро натянул латексные перчатки. Сонливость с него смыло моментально.

В этот момент телефон Томаса снова завибрировал. Мужчина выругался сквозь зубы, отошёл на несколько шагов назад, к полуразрушенной стене фабрики, и нажал на кнопку ответа.

— Клэр, я на вызове, — зашептал он в трубку, стараясь говорить как можно тише. — У меня тут труп на пустыре. Всё очень плохо.

— Твой брат выгреб всё, Том! — раздался дрожащий, срывающийся на крик голос жены. — Там были деньги на операцию моей мамы! Три тысячи долларов! Твой долбаный Джимми просто пришёл, пока меня не было, и...

— Я знаю, Клэр. Я всё исправлю, обещаю, — Томас прижал ладонь ко лбу, чувствуя, как голова раскалывается на части. — Я найду его. Я заставлю его вернуть деньги, даже если мне придётся выбить их из него. Пожалуйста, просто запри дверь. Я приеду, как только смогу.

Он отключил вызов, не дожидаясь ответа.

— Коллинз, подойди-ка, — позвал Шон.

Томас спрятал мобильный и вернулся к забору. Брейди сидел на корточках, аккуратно придерживая голову Ральфа за подбородок медицинской салфеткой. Он направил свой фонарик на шею и запястья покойного.

— Посмотри внимательно, — сказал Шон, указывая пальцем на грязную кожу бездомного. — На запястьях ни одной царапины. На шее тоже чисто. Нет синяков от пальцев, нет следов от верёвки, скотча или ремней. Я проверил его карманы — там только пара мятых сигарет и пустая бутылка. Никаких шприцев, никаких следов наркотиков. Кровь на токсикологию я, конечно, возьму, но внешне он чист.

Томас нахмурился, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие.

— И что это значит? Ральф не сопротивлялся?

— Это значит, что здесь нарушена элементарная логика, Том, — Шон поднялся, отряхивая колени от налипшей грязи. — Если бы живому человеку начали срезать кожу с лица, у него бы включились базовые рефлексy. Он бы метался, кричал, отбивался руками. Убийце пришлось бы связать его, держать силой или накачать транквилизаторами до состояния овоща. Но следов борьбы нет, а главное кровь. Лицо снабжается кровью колоссально. Если резать по живому, она бы хлестала фонтаном. Она была бы на заборе, на куртке, на траве. Убийца был бы залит ею с ног до головы.

Томас посмотрел на оголённые мышцы Ральфа, которые

уже начали бледнеть под каплями дождя.

— Ты хочешь сказать, его убили в другом месте, а сюда просто привезли? — спросил Коллинз.

Шон медленно покачал головой, и на его лице отразилось выражение, которое Томасу совсем не понравилось.

— Нет. Посмертные пятна и положение тела говорят о том, что он умер именно в этой позе, прямо здесь, примерно три-четыре часа назад. Но вот лицо... Лицо с него сняли уже после того, как остановилось сердце. Его убили чем-то незаметным, Том.

Глава

I

. Две жизни

Д

есять трупов за один месяц — этого хватило, чтобы полиция Окхейвена перевела весь город на осадное положение, а вечерние вагоны метро стали местом постоянного страха. В прессе убийцу быстро прозвали **Безликим** из-за его жуткого почерка — со всех жертв он подчистую срезал лица, не оставляя экспертам ни единой зацепки. Он орудовал чисто, и полиция до сих пор топталась на месте, не имея ни малейшего следа. Пассажиры в вагонах старались не смотреть друг другу в глаза, пряча лица в воротники и экраны телефонов.

В полупустом вагоне, покачивающемся на стыках рель-

сов, ехал шестнадцатилетний Аарон Фрост. На первый взгляд он казался самым обычным, симпатичным парнем. Для своих лет он был высоким, угловатым и худощавым, но плотная, расстегнутая темно-серая джинсовая куртка поверх тёмно-зелёного худи делала его фигуру визуально крепче. Кудрявые волосы с выбритыми по бокам висками в виде аккуратного фейда слегка растрепались, над верхней губой краснел мелкий подростковый прыщик. В руках Аарон держал потрепанный коричневый рюкзак, лениво разглядывая салон своими бледно-голубыми глазами.

Напротив него, вцепившись тонкими пальцами в лямку сумки, сидела бледная девушка-подросток по имени Хлоя. Она училась в параллельном классе, и Аарон пару раз видел её в школьных коридорах. Сейчас она выглядела испуганной, ее взгляд судорожно метался по сторонам.

На следующей станции поезд сбавил ход и остановился. Едва двери с шипением разошлись, в вагон зашли двое сотрудников транспортной безопасности в синих жилетах. Между ними на коротком поводке шла немецкая овчарка. Собака тяжело дышала, ведя носом по грязному полу. Из-за участившихся убийств патрули с собаками шмонали всех подряд без разбора, проверяя карманы и сумки.

Аарон краем глаза заметил, как Хлоя резко дернулась. Лицо девушки стало совсем белым. Опустив голову, она судорожно запустила руку в свою сумку и попыталась запихать маленький целлофановый пакетик с белым порошком как

можно глубже в порванную подкладку. Пальцы ее дрожали, пластик шуршал, а собака уже шла по проходу, шумно втягивая воздух. Овчарка повернула голову в их сторону и натянула поводок.

Патрульные начали проверку с Аарона. Один из них командовал открыть рюкзак, мельком заглянул внутрь, похлопал парня по карманам джинсовки. Аарон стоял спокойно, послушно опустив плечи и сохраняя глуповатое, безразличное выражение лица. Собака ткнулась мокрым носом в жесткую ткань его широких темно-коричневых джинсов, равнодушно фыркнула и сделала шаг к Хлое. Кинолог потянул поводок за ней.

В этот самый момент состав на полной скорости влетел на крутой поворот — рельсы на этом перегоне давно требовали ремонта. Вагон сильно швырнуло в сторону.

Аарон, подгадав движение поезда, изобразил неуклюжесть. Он потерял равновесие, взмахнул руками и с коротким криком полетел вперед, прямо на Хлою, перегородив дорогу кинологу и собаке.

— Ой, черт, извини! Извини, пожалуйста, я не хотел! — шумно запричитал Аарон, создавая вокруг себя максимум суматохи.

Он навалился на Хлою, хватаясь руками за ее плечи и сиденье, чтобы удержаться. Его правая рука сработала с идеальностью: в секундной кутерьме пальцы скользнули в открытую сумку девушки, нащупали целлофановый сверток в подклад-

ке и плавным движением утянули его внутрь широкого рукава джинсовой куртки.

Аарон неуклюже поднялся, продолжая бормотать извинения и испуганно поглядывая на патрульных. Охранник раздраженно прикрикнул на него, велел сесть на место и не путаться под ногами.

Хлоя сидела неподвижно, затаив дыхание. Патрульный подошел к ней и потребовал показать содержимое сумки. Кинолог подвел овчарку ближе. Собака тщательно обнюхала замки, ремешки, ткнулась носом в колени девушки, но, не почувствовав запаха наркотиков, потеряла интерес и отвернулась.

— Все в порядке, свободны, — буркнул охранник.

Патруль двинулся дальше, в соседний вагон. Хлоя судорожно выдохнула, запустила руку в сумку, нащупала разорванную ткань подкладки и замерла. Пакетика там не было. Она испуганно подняла глаза на Аарона, но тот уже отвернулся к окну, как ни в чем не бывало.

Голос из динамика хрипло объявил следующую станцию. Поезд сбросил скорость. Аарон неторопливо закинул рюкзак на одно плечо и пошел к выходу. Проходя мимо застывшей на сиденье Хлои, он чуть наклонился к ее уху, так, чтобы его слова перекрыл стук открывающихся дверей.

— Завтра в десять вечера за школьным стадионом, у опушки. Придешь одна — верну, — прошептал он.

Аарон отстранился, приятно и совершенно искренне

улыбнулся испуганной девушке на прощание. Он намеренно шаркнул серой кроссовкой по грязному полу вагона, краем глаза заметив, как приметный белый узор в виде волн на подошве оставил влажный след на линолеуме, после чего вышел и растворился в толпе на платформе.

Окхейвен был типичным провинциальным городком Новой Англии — из тех мест, где старые кирпичные здания викторианской эпохи вечно казались серыми от частых туманов, а сам город со всех сторон поджимал густой хвойный лес, из-за чего на улицах постоянно пахло прелыми листьями. Жизнь здесь текла медленно, и появление серийного убийцы стало для местных жителей настоящим шоком, от которого они не могли оправиться.

Аарон Фрост переехал в Окхейвен к своей бабушке всего пару месяцев назад. В новой школе он не завел друзей и ничем не выделялся, прочно заняв позицию незаметного тихони.

На следующий день после инцидента в метро Аарон сидел на уроке химии, лениво чертя круги на полях тетради.

— Фрост! К доске, — громкий голос мистера Харрисона заставил Аарона вздрогнуть.

Учитель химии, грузный мужчина с редкими седыми волосами и строгим взглядом, постучал указательным пальцем по раскрытому журналу. Аарон неторопливо поднялся, на-

рочно шаркая подошвами серых кроссовок по линолеуму, и подошел к классной доске. На ней мелом были расписаны формулы.

— Объясни мне, Фрост, как можно было так бездарно завалить вчерашнюю лабораторную работу? — Мистер Харрисон скрестил руки на груди, глядя на парня поверх очков. — Тема простейшая — кислотно-щелочной баланс. Весь класс справился, а ты умудрился получить в итоговом растворе едкую щелочь вместо нейтральной среды. Ты вообще открывал учебник?

Аарон опустил голову, пряча взгляд. Он сутулился, из-за чего казался ниже ростом, и теребил край своей черной рубашки.

— Я... я читал, мистер Харрисон, — пробормотал Аарон неуверенным голосом и шмыгнул носом. — Просто там... я, кажется, перепутал пробирки с индикаторами и фенолфталейн налил не туда.

По классу покатались смешки. Сидящий на задней парте парень негромко хмыкнул: «Ну ты и пень, Фрост».

Мистер Харрисон обречённо вздохнул и покачал головой, в его глазах читалось искреннее разочарование.

— Пробирки он перепутал. Внимательнее надо быть, Аарон. Химия не прощает рассеянности. Садись на место, за работу — двойка. Надеюсь, к контрольной ты всё-таки выучишь, чем кислота отличается от щелочи.

— Да, сэр. Извините, — Аарон поплёлся назад к своей

парте. Он сел, поправил рюкзак и снова устался в тетрадь с покорным и глуповатым видом, пока учитель вызывал следующего ученика.

В десять часов вечера окраина школьного леса утопала в крошечной темноте. Единственный работающий фонарь горел далеко, у ворот стадиона, и его тусклый желтый свет едва дотягивался до первых рядов деревьев. Моросил мелкий холодный дождь.

Хлоя шла со стороны стадиона, то и дело оглядываясь назад. Она куталась в теплую куртку и торопливо переступала через лужи, явно боясь каждого шороха. Заметив силуэт Аарона, стоявшего у самой опушки под кроной раскидистой ели, она заметно ускорила шаг.

— Ты пришел, — выдохнула она, остановившись в паре шагов от него. Ее голос дрожал, но в глазах читалась огромная радость. — Я думала, ты соврал.

Аарон стоял неподвижно, засунув руки в карманы куртки. На его лице не было и следа той неуклюжести, что он демонстрировал в школе или метро. Он спокойно вытащил правую руку, удерживая между пальцами тот самый целлофановый пакетик с белым порошком, и протянул его девушке.

— Я же сказал, что верну, — произнес он.

Хлоя буквально вырвала сверток из его пальцев и тут же спрятала его во внутренний карман. Она облегченно рассмеялась, этот смех прозвучал немного истерично.

— Боже, ты даже не представляешь, как меня спас, — за-

тараторила она, активно жестикулируя. — Меня бы предки просто убили, если бы копы меня приняли. А этот товар... я за него такие деньги отвалила, ты бы знал! Слушай, ты реально круто сработал в вагоне. Хочешь, я тебе отсыплю немного в знак благодарности? Прямо сейчас, на двоих точно хватит.

— Нет, спасибо. Я такое не употребляю, — спокойно отказался Аарон, не меняя тона. Он внимательно посмотрел на Хлою. — А зачем тебе это? Зачем ты это делаешь?

Девушка удивленно моргнула, не ожидая такого вопроса, но под его прямым взглядом постепенно расслабилась. Напряжение покинуло её, уступив место какой-то апатии. Она прислонилась спиной к стволу дерева и поправила мокрые от дождя волосы.

— А что еще делать в этом дырявом городе? — Хлоя горько усмехнулась, глядя куда-то в землю. — У меня дома каждый вечер одно и то же: отец пьет, мать на него орет, потом они оба орут на меня. Да и вчера папаша разбил мою гитару... последнее, что у меня было. Перспектив ноль. Учиться мне лень, да и смысл? Чтобы потом всю жизнь горбатиться за гроши на какой-нибудь заправке или в местном супермаркете, как все остальные? Проще ловить кайф, расслабиться и вообще ни о чем не думать. Все равно мы все сдохнем тут, какая разница.

Слова Хлои о собственной бесполезности стали для Аарона финальным аккордом. Фирменная маска искреннего сочувствия, которую он так тщательно удерживал на лице весь

вечер, вдруг стала слишком тяжелой. Приятная, сочувствующая улыбка мгновенно исчезла с его лица, уступив место равнодушию.

Он сделал шаг вперед, плавно приподнимая руки, будто собирался обнять и согреть замерзшую девушку. Хлоя даже не успела удивиться этому жесту. В следующее мгновение правая рука Аарона резким, точным ударом впечаталась в боковую поверхность её шеи.

В его кулаке был зажат крошечный, размером с обычную авторучку, поршневой медицинский инжектор. Раздался едва слышный щелчок.

Хлоя широко раскрыла глаза, пытаясь сделать вдох, но воздух больше не шел в легкие. Разработанная Аароном сыворотка начала действовать мгновенно, полностью парализовав дыхательный центр. Девушка не смогла издать ни единого звука. Ее ноги подкосились, и она рухнула навзничь, погружаясь в жухлую, мокрую от дождя траву.

Аарон стоял рядом и спокойно смотрел на нее сверху вниз. Он наклонился, схватил Хлою за подмышки и молча потащил за старый деревянный забор, пряча тело в густых зарослях кустарника.

Девушка лежала на боку, уткнувшись лицом в прелые листья. Ее тело начали бить мелкие судороги, а из уголка рта выступила тонкая полоска белой пены. Она попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь хриплый сип. Через пятнадцать секунд судороги прекратились, и Хлоя замерла.

Ее взгляд опустел.

Аарон запустил руку во внутренний карман джинсовки и достал завернутый в чистую салфетку медицинский скальпель. Он опустился на корточки перед трупом, занес лезвие над линией роста волос Хлои, но внезапно остановился.

Вчера на станции метро они вместе попали в объектив камеры наблюдения. Охранники проверяли Хлою, а он крутился рядом. Если полиция найдет её тело без лица, они сразу поймут, что это Безликий, поднимут записи из подземки и начнут искать парня в темно-серой куртке. Но что, если копы вообще не узнают, что здесь был Безликий?

Аарон перевел взгляд на карман её куртки, из которого едва заметно высовывался уголок прозрачного зип-лока с белым порошком. Губы парня тронула едва заметная улыбка. Сыворотка действовала ювелирно: мгновенный паралич дыхательного центра. Внешне это выглядело в точности так же, как если бы у девчонки просто остановилось сердце от слишком большой дозы.

Зачем копам проверять камеры метро и искать убийцу, если перед ними будет лежать обычный, до банальности скучный труп малолетней наркоманки, загнувшейся в лесу от передоза? Убойный отдел Окхейвена погряз в нераскрытых делах, они с радостью закроют эту папку, даже не почесавшись.

Безликий не совершал ошибок. И Хлоя не станет его промахом. Она станет просто несчастным случаем. Риск был слишком велик.

Аарон медленно убрал скальпель обратно. Хлоя останется с лицом. Он аккуратно забросал тело ветками и листвой, скрывая его от случайных прохожих, поднял свой рюкзак и уверенным шагом направился прочь из леса.

Домой парень вернулся ближе к одиннадцати вечера. В прихожей было темно и тихо. Бабушка Марта давно спала в своей комнате в конце коридора. Стараясь не скрипеть половицами, Аарон снял промокшую куртку, разулся и аккуратно поставил кроссовки у двери.

Он проскользнул в свою комнату и плотно прикрыл дверь. Включив небольшую настольную лампу, парень сел за письменный стол. Он выдвинул нижний ящик, нащупал едва заметный выступ на стыке внутренних панелей и надавил на него. Раздался негромкий щелчок — фальшивое дно приподнялось.

Из потайного отделения Аарон достал старый, потрепанный альбом в толстом картонном переплете. Он перевернул несколько страниц и остановился на одной фотографии.

На снимке стояли двое парней. Одним из них был сам Аарон — чуть помоложе, без выбритых висков, но с тем же взглядом. Вот только лица второго подростка на фотографии не было — кто-то неаккуратно, кривыми рывками вырезал его обычными ножницами, оставив на бумаге рваную пустоту.

Внизу снимка синими чернилами была выведена размашистая надпись: «2019». Это было два года назад.

Аарон провел подушечкой пальца по рваному контуру вырезанного лица, наклонился почти к самому снимку и что-то едва слышно прошептал.

Глава

II

. Иллюзия расстояния

К

середине декабря Окхейвен окончательно превратился в вымерший, придавленный серым небом город. На улицах больше не было видно случайных прохожих после четырех часов дня — как только сумерки опускались на заснеженные кварталы, жизнь здесь замирала. Владельцы небольших кофеинных лавок, аптек и заправок несли огромные убытки, закрывая заведения задолго до темноты, потому что нанимать вечерний персонал стало невозможно: никто не соглашался возвращаться домой впотьмах. Местные жители перестали открывать двери даже знакомым соседям без предварительного звонка. В строительных и хозяйственных магазинах Окхейвена подчистую раскупили врезные замки, дверные цепочки и прожекторы с датчиками движения, которые теперь уродливыми гроздьями висели на фасадах частных домов.

Город захлебнулся в паранойе, и на то были веские причины. Число жертв Безликого перевалило за тридцать человек. Окхейвен косило десятками. Тела находили в самых

обычных местах: на автобусных остановках, в тупиках между домами, на заброшенных детских площадках или прямо на крыльце собственных домов. Убийца не выбирал какую-то одну социальную группу — среди погибших оказывались мелкие воришки, бездомные, одинокие рабочие с окраин, опустившиеся алкоголики и трудные подростки. Их всех объединяло только одно: полное отсутствие следов борьбы и аккуратно срезанная кожа с лица.

Городской полицейский участок работал в круглосуточном режиме, но оперативники топтались на месте. В коридорах департамента стоял стойкий запах перегоревшего дешевого кофе, застарелого табачного дыма и пота. В главном зале на огромной пробковой доске уже давно не хватало места для фотографий с мест преступлений и карт города. Экспертам пришлось прикатить еще две дополнительные доски на колесиках, которые теперь занимали весь проход, заставляя детективов протискиваться между портретами мертвецов.

Томас Коллинз сидел в дежурке, тупо уставившись на остывшую коричневую бурду в пластиковом стаканчике. На часах было около двух ночи. Его личная жизнь за эти два месяца превратилась в выжженную пустыню. Клэр не выдержала постоянного страха, безденежья и вечного отсутствия мужа. Две недели назад она молча собрала три чемодана вещей, забрала остатки их общих сбережений и уехала к матери. Свой дом Томас теперь ненавидел: там царила пустота. Он заезжал туда от силы на три-четыре часа в сутки, что-

бы прямо в одежде и обуви провалиться в беспокойный сон. Ему было настолько плевать, что он даже не включал центральное отопление, экономя на счетах.

Но настоящий удар ждал его час назад. Входные двери участка с грохотом распахнулись, и двое патрульных ввалились в дежурку, ведя под руки упирающегося, грязного парня. Томасу не нужно было вглядываться, чтобы узнать эти сальные светлые волосы и затасканную куртку. Это был его младший брат Джимми. Его поймали с поличным в кругло-суточном супермаркете на окраине. План Джимми был банален и жалок: он пытался вынести под курткой четыре бутылки дорогого коллекционного виски, чтобы через час сдать их местному перекупщику за полцены и перекрыть хотя бы часть процентов по очередному долгу букмекерам.

Сейчас Томас стоял в тесной допросной. Люминесцентная лампа под потолком раздражающе и монотонно гудела, заливая комнату мертвенно-зеленым светом. Джимми сидел напротив на жестком стуле, вжав голову в плечи и уставившись на свои стоптанные ботинки. От него пахло дешевым перегаром.

— Ты хоть понимаешь, что ты творишь, кретин?! — Томас сорвался на крик. Он с силой грохнул ладонью по металлическому столу, отчего Джимми ощутимо вздрогнул. — У меня в городе маньяк вырезает людей пачками! Мои парни третьи сутки спят прямо на столах! Шон Брейди из морга не вылезает, у него трупы складывать некуда! А я должен бро-

сать оперативную работу и торчать здесь из-за того, что мой родной брат ворует выпивку как сопливый малолетка?!

— Том, ну ты не понимаешь... — заскулил Джимми, не поднимая глаз. Его губы дрожали. — Они бы мне ноги переломали прямо у подъезда. Мне нужно было отдать триста долларов до полуночи. У меня просто не было выбора, клянись тебе!

— У тебя никогда нет выбора, Джимми! Никогда! — Томас быстрыми шагами прошелся по допросной от стены к стене, хватаясь руками за голову. Пальцы наткнулись на жесткие, давно не мытые волосы.

Внутри у него все окончательно выгорело. Он чувствовал бессилие. Он не мог защитить жителей Окхейвена от невидимого психопата, не смог удержать собственную жену, а теперь стоял в казенной комнате и орал на единственного близкого человека, который стремительно катился на самое дно и утягивал его за собой.

Томас перестал шагать по комнате. Гнев, бурливший в нём минуту назад, вдруг угас, оставив после себя тревогу. Он внимательно посмотрел на Джимми.

— Ты вообще соображаешь, в какой список ты себя записываешь? — почти шёпотом спросил Томас. Он подошёл ближе и опёрся руками о край стола, заставив брата поднять голову. — Посмотри на сводки, придурок. Безликий не убивает добропорядочных граждан. Он не трогает учителей, примерных семьянинов или успешных адвокатов. Его жерт-

вы — это бездомные, наркоманы, проститутки и воры. Он зачищает город от тех, кого считает мусором. И ты со своим воровством из магазинов и долгами букмекерам — идеальная мишень для его коллекции. Если этот псих обратит на тебя внимание, я тебя не спасу.

Джимми заметно побледнел. Он открыл было рот, чтобы что-то возразить, но Томас резко махнул рукой, пресекая любые оправдания.

— Сиди здесь. Я оформлю тебя в камеру предварительного заключения. Из участка ты сегодня не выйдешь, это ради твоей же безопасности. К утру я придумаю, что с тобой делать и как закрыть этот долг.

Томас вывел брата в коридор и передал дежурному патрульному, чтобы тот запер Джимми в КПЗ. В центральном зале участка было относительно тихо. Несколько копов спали прямо на сдвинутых стульях, укрывшись куртками, а по радиоприёмнику тихо бормотал ночной эфир.

Электронные часы над столом дежурного пискнули, сменив цифры на **04:12**.

И в ту же секунду в помещении начался хаос.

Рации на поясах копов одновременно взорвались треском и громкими, перебивающими друг друга голосами диспетчеров. Зазвонили сразу три телефона на дежурном пульте. Звук был настолько резким, что дежурный от неожиданности пролил остатки кофе на пульт.

— Всем свободным экипажам! — хрипел динамик рации.

— Код три на Эш-Стрит, притон на окраине. Обнаружен труп местного сутенёра Маркуса Денверса.

Не успела диспетчер закончить фразу, как ожил второй канал связи:

— Внимание! Сработала тревога в ювелирном магазине «Бриллиантовый пассаж» в центре города. Патруль на месте сообщает о трупе мужчины возле вскрытого сейфа. Предварительно, известный взломщик-рецидивист Ленни «Крот» Миллер.

Третий звонок дежурный принял лично. Его лицо вытянулось, а кожа приобрела сероватый оттенок. Он медленно опустил трубку и посмотрел на Томаса, который уже застёгивал кобуру на пояс.

— Из окружной больницы звонят, — произнёс дежурный. — Палата для безнадежных больных на третьем этаже. Скончался Артур Пендлтон. Тот самый бывший городской казначей, который пять лет назад украл два миллиона из бюджета на строительство школ, но отмазался от тюрьмы из-за рака в терминальной стадии. Медсестра зашла проверить капельницу и... в общем, Коллинз, тебе надо это слышать.

Расстояние между этими тремя точками было огромным. Окраина, исторический центр и больничный городок на холме — в условиях зимнего снегопада и нерасчищенных дорог на машине от одной точки до другой нужно было добираться минимум сорок минут.

— Я на Эш-Стрит, в притон, — на ходу бросил Томас,

хватая со стола ключи от служебного автомобиля. — Отправьте вторую группу в ювелирный, а ребят из патруля в больницу. Пусть оцепят всё к чёртовой матери!

Через сорок пять минут Томас уже стоял в грязном, пропахшем дешёвым табаком коридоре притона на Эш-Стрит. Сутенёр Денверс сидел в своём кресле перед включённым телевизором. Томаса подтошнило: лица у трупа не было — фирменный почерк Безликого.

Коллинз зажал рот ладонью и потянулся к рации на плече. — База, это Коллинз. Я на месте. У нас Безликий. Вызывайте Шона Брейди, пусть фиксирует время смерти.

Рация в ответ зашипела, и сквозь помехи прорвался дрожащий голос детектива Митчелла, который уехал в ювелирный магазин:

— Том... Ты не поверишь. Я в «Пассаже». Здесь Ленни «Крот». Он лежит у сейфа. У него... у него нет лица, Том.

Коллинз замер посреди комнаты.

— Как нет лица? Митчелл, это исключено. Окраина и центр — между нами километры дорог! Он не мог быть в двух местах одновременно!

В этот момент рация снова пискнула. На связь вышел патрульный из окружной больницы. Его голос срывался на истерический фальцет:

— Детектив Коллинз! В палате казначея Пендлтона то же самое! Медсестра клянётся, что выходила на пять минут в туалет. Когда вернулась — старик был мёртв, а кожа с лица

снята полностью!

Ещё через полчаса рация снова ожила. Это был судмедэксперт Шон Брейди, который экстренно связался с медиками, осматривавшими тела в центре и в больнице. Его голос сейчас звучал по-настоящему испуганно.

— Том, слушай меня внимательно, — сказал Брейди. — Мы сравнили температуру тел, трупное окоченение и реакцию зрачков на всех объектах. Это звучит как бред, но это факт. Смерть всех наступила одновременно. Секунда в секунду.

Томас опустился на грязный диван в притоне, не замечая липких пятен. В радиии продолжали переговариваться патрульные. В их голосах сквозила откровенная паника. Копы наперебой говорили о том, что Безликий — это не один человек, а целая организованная секта, слаженная армия психопатов или какая-то чертовщина, неподвластная законам логики. Ведь один человек физически не мог находиться в трёх разных частях Окхейвена в одну и ту же секунду.

Шон Брейди заперся в своей лаборатории при центральной больнице Окхейвена. Шли третьи сутки, как он не выходил на улицу и практически не спал, перебиваясь короткими получасовыми провалами в забытие прямо на продавленном кожаном диване в углу комнаты. Глаза нещадно резало от лопнувших капилляров, а в горле стоял стойкий привкус

химикатов и остывшего растворимого кофе.

На его длинном рабочем столе, выстроенные в идеальные ряды, стояли пластиковые штативы с предметными стеклами. На каждом из них были нанесены высушенные образцы крови предыдущих жертв Безликого. Обычные токсикологические тесты, которые медицинская лаборатория проводила по стандартному протоколу, раз за разом показывали чистый результат. В крови погибших не было ни известных ядов, ни тяжелых наркотиков, ни седативных препаратов. Но Брейди понимал, что они упускают какую-то скрытую деталь. Именно поэтому неделю назад он в обход официальных каналов департамента, на собственные деньги тайно заказал из Бостона редкий флуоресцентный реагент, который использовали только в передовых молекулярных исследованиях. Письма пришла накануне вечером.

В углу стола низко гудела центрифуга, завершая очередной цикл очистки сыворотки крови. Шон дождался, пока прибор щелкнет и остановит вращение, аккуратно извлек стеклянную пробирку пальцами в латексной перчатке и с помощью пипеточного дозатора перенес каплю раствора на свежее стекло. Сверху он капнул ровно одну каплю присланного бостонского реагента. Жидкость слегка помутнела, приобретая едва заметный синеватый оттенок.

Брейди аккуратно зафиксировал предметное стекло на столике мощного электронного микроскопа, настроил фокус и прильнул к окулярам.

Сначала картинка была размытой, но после нескольких щелчков регулировочного колеса структура крови проявилась четко. Шон медленно перемещал стекло, внимательно вглядываясь в увеличенные молекулярные связи. И тут он увидел то, что стандартное оборудование полицейской лаборатории было просто не способно засечь.

В структуре белков плазмы присутствовало инородное соединение. Это был сложный, явно искусственно созданный белковый комплекс. Брейди увеличил масштаб до максимума. Чужеродная структура вела себя крайне специфически: она оставалась стабильной и пассивной при пониженной температуре тела — например, когда человек находился в состоянии покоя или глубокого сна. Однако, как только температура крови незначительно менялась на доли градуса, что происходит естественным образом из-за циркадных биоритмов человеческого организма в определенные часы, этот комплекс мгновенно менял свою форму. Он активировал скрытый внутри себя токсин, который бил точно по синусовому узлу сердца, полностью блокируя выработку электрических импульсов и вызывая мгновенную остановку органа.

Шон отпрянул от окуляров микроскопа и прерывисто задышал. Пазл в его голове мгновенно сложился в единую картину.

Никакой магии, никакой секты или слаженной группы убийц. Безликий — это один-единственный человек. Но этот

человек был чертовым гением. Ему не нужно было находить-ся в трех разных местах Окхейвена одновременно в четыре часа утра. Он мог ввести свою сыворотку сутенеру вчера ве-чером, взломщику днем раньше во время случайной пота-совки, а казначею в больнице под видом медбрата во время вечернего обхода. Химический комплекс просто спал в их крови, как часовой механизм, пока естественные биологиче-ские ритмы человеческого организма не запустили токсин в строго определенный час. Ровно в 04:12 утра.

Брейди резко схватил со стола трубку стационарного те-лефона и быстро, путаясь в кнопках, набрал прямой номер Коллинза. В трубке раздались короткие гудки. Занято. То-мас в это время координировал оцепление ювелирного ма-газина.

— Черт, Томас, возьми ты трубку! — прорычал Шон, с грохотом швыряя аппарат обратно на рычаг.

Время шло на минуты. Брейди повернулся к компьютеру, открыл рабочий текстовый файл и начал быстро, сбиваясь и совершая опечатки, вбивать свои выводы. Пальцы яростно стучали по клавиатуре: он подробно расписывал структуру обнаруженного белкового комплекса и механизм задержки яда, чтобы у полиции наконец-то появилась реальная зацеп-ка.

Вдруг люминесцентная лампа под потолком лаборатории моргнула. Раздался легкий электрический треск. На секунду комната погрузилась в полумрак, а затем свет снова загорел-

ся, но стал чуть более тусклым.

Шон резко обернулся. Входная дверь была надежно заперта на замок изнутри — он сам закрыл её, чтобы никто не мешал исследованиям. Но из темноты, со стороны широкой вентиляционной ниши, ведущей в общий коридор здания, бесшумно вышла человеческая фигура. На ней был темный медицинский халат, плотные перчатки и маска, полностью скрывающая лицо.

Шон дернулся, собираясь вскочить со стула и схватить металлический штатив для пробирок, но его ноги не сдвинулись ни на сантиметр. Руки мгновенно налились тяжестью, превратившись в бесполезные куски мяса. Сердце внутри груди сделало болезненный кувырок, а затем его ритм стал стремительно падать.

Брейди скосил глаза на край стола, где стояла полупустая керамическая кружка. Кофе. Тот самый кофе, который он налил из автомата в коридоре час назад. Убийца просчитал всё заранее. Напиток уже сделал свое дело.

Тело Шона окончательно парализовало. Он потерял равновесие и рухнул со стула прямо на холодный линолеум, но не смог даже выставить вперед руки, чтобы смягчить падение. Его глаза были дико расширены, дыхательный центр отключился, а изо рта на пол потекла густая белая пена. Он лежал неподвижно, задыхаясь и будучи не в силах пошевелить даже пальцем.

Фигура в темном халате сделала несколько неторопливых

шагов и остановилась прямо над ним. Послышался шуршащий звук. Убийца медленно наклонился, и в его руке тускло поблело тонкое стальное лезвие медицинского скальпеля.

Восемь часов утра. Серый зимний свет едва пробивался сквозь заиндевевшие окна больничного коридора. Томас Коллинз шёл по пустому этажу в сторону отделения судебной медицины, чувствуя себя столетним стариком.

В руках он держал два больших картонных стаканчика с паршивым, чересчур сладким кофе из автомата в вестибюле. Тонкий картон обжигал пальцы, но Томас даже радовался этой боли — она помогала не уснуть на ходу. Всю дорогу от парковки до лифта он думал о Шоне. Ему было чертовски неловко за то, что он четыре часа назад проигнорировал звонок эксперта. Тогда, у ювелирного, рация разрывалась от криков патрульных, на Коллинза давило начальство, требовавшее немедленных результатов, и набрать Шона обратно просто не дошли руки.

Томас хотел войти, молча поставить горячий стакан на лабораторный стол, извиниться за свою невнимательность и наконец послушать, что такого важного Шон хотел рассказать. На душе у Коллинза было беспросветно паршиво: Джимми всё ещё сидел в камере предварительного заключения, Клэр упорно игнорировала его текстовые сообщения, а Оккейвен после сегодняшних одновременных убийств окон-

чательно погрузился в истерику.

Томас подошёл к двери лаборатории. Обычно Шон, уходя в работу с головой, запирался изнутри на задвижку, чтобы его не отвлекали дежурные врачи. Коллинз прижал локоть к дверной ручке, собираясь постучать носком ботинка, но ручка неожиданно легко поддалась вниз.

Дверь оказалась незапертой. Она со слабым скрипом распахнулась внутрь.

В лаборатории острый запах формалина и спирта смешивался со сладковатым металлическим привкусом, от которого у Томаса мгновенно пересохло во рту.

Шон Брейди сидел в своём кожаном рабочем кресле прямо посреди комнаты, спиной к выходу. Его фигура выглядела на удивление статичной. Спина была идеально ровной, а локти почти симметрично покоились на деревянных подлокотниках. Казалось, эксперт просто глубоко задумался над результатами очередного анализа или на секунду прикрыл глаза, устав от бесконечной работы.

Томас сделал два шага вперёд, стараясь не шуметь зимними ботинками.

— Шон, привет. Извини, что не ответил ночью, на вызовах был полный дурдом, — негромко произнёс Коллинз, обходя кресло с правой стороны, чтобы поставить кофе на стол. — Я тут принёс тебе...

Слова застряли у него в горле.

Томас замер, так и не опустив руку на деревянную сто-

лешницу. Лица у Шона Брейди не было. От линии лба до самого подбородка шел пугающе знакомый анатомический разрез. Вместо привычного вечно ворчливого лица друга на Коллинза смотрел багровый овал. Кожа была снята так аккуратно, что обнаженные челюстные мышцы до сих пор сохраняли остаточное напряжение.

Но сильнее самого изувеченного лица Томаса полоснуло по глазам другое. Взгляд детектива машинально скользнул ниже, к шее друга, и внутри всё окончательно заледенело.

Накрахмаленный воротник рубашки Шона и лацканы его светлого медицинского халата были чистыми. Ни единого бурого пятна, ни единого подтека.

Коллинз перевёл ошалелый, пустой взгляд чуть правее, на рабочий стол. Компьютер Шона был включен. На экране не осталось ни единой строчки текста, ни одной формулы, ни одного файла. Убийца стёр все данные исследований до последнего байта, уничтожив все следы.

Пальцы Томаса разжались сами собой. Два картонных стаканчика глухо шмякнулись о грязный линолеум. Тёмная жидкость с шипением брызнула в стороны, медленно растекаясь вокруг ножек кресла его друга.

Глава

III

. Мальчик в слишком большом пальто

К

огда в главный кабинет управления зашёл детектив, Томас сначала подумал, что это чей-то сын ищет отца.

В просторном помещении было нечем дышать. Спёртый воздух насквозь пропитался запахом пережаренного кофе из старого автомата и дешёвого табачного дыма — копы курили прямо у приоткрытых окон, не обращая внимания на запреты. На столах, заваленных грудami папок, незакрытых отчётов и грязных чашек, сидел начальник участка и трое прожжённых оперативников из убойного. Все были на взводе. Гибель Шона Брейди, которого выпотрошили прямо в его собственной лаборатории под носом у охраны, окончательно выбила у полиции почву из-под ног. Громкие споры и мат не утихали здесь с самого утра.

В этот момент массивная дубовая дверь плавно отворилась.

В кабинет вошёл парень. Он был лишь на полголовы ниже рослого Томаса, но из-за сильной худобы и бледности кожи казался совсем подростком, который ещё не до конца вырос. На нём было тёмное шерстяное пальто, которое явно топорщилось и было велико ему в плечах, будто снятое с чужого плеча. Из бокового кармана пальто небрежно торчала надорванная папка мятной жвачки. На вид вошедшему нельзя было дать больше шестнадцати лет.

Оперативники у окон на секунду замолчали, переглянулись, и кабинет взорвался злым смехом. Самый крупный из

детективов, сидевший на краю стола, сплюнул в пластиковый стакан и ухмыльнулся:

— Малыш, ты дверью ошибся? Потерялся? Тут тебе не стол находок, иди к дежурному, он тебе конфету даст.

Подросток даже не повернул головы в сторону шутника. Его палевые, почти прозрачные глаза оставались равнодушными. Он спокойным шагом подошёл к рабочему столу шефа, запустил руку в карман огромного пальто, достал сложенный вдвое лист плотной бумаги и молча положил его на полированную древесину.

Томас, стоявший у стены, присмотрелся. Внизу листа отчётливо виднелась сургучная печать министерства юстиции ярко-красного цвета. Это был официальный приказ высшего ведомства — полный карт-бланш на расследование и безоговорочная юрисдикция над делом Безликого. Любое распоряжение этого мальчишки теперь приравнивалось к приказу министра.

Смех в кабинете оборвался мгновенно. Оперативники замерли, на лицах проступило недовольство, смешанное с растерянностью. Томас похолодел, внезапно осознав, кто стоит перед ними. Это был **Хантер**. Подросток-вундеркинд, о котором в федеральных ведомствах ходили полулегендарные слухи. Его считали одним из лучших аналитиков и детективов в мире, человеком с феноменальным интеллектом, способным распутывать дела, на которых ломали зубы целые отделы опытных следователей.

Хантер медленно развернулся к застывшим копам. Его голос прозвучал на удивление тихо, но в наступившей тишине его услышал каждый. Он заговорил об убийстве Шона Брейди.

— Эксперта отравили заранее, через кофе, — произнёс Хантер, глядя прямо перед собой. — Токсин заблокировал работу синусового узла сердца, вызвав мгновенную остановку органа. Убийца действовал профессионально. Он подождал приблизительно девять минут после остановки сердца. За это время из-за прекращения циркуляции и локального сужения сосудов лица произошло полное схлопывание капилляров. Именно поэтому на халате Брейди и на полу нет крови. Когда сердце не качает, а кровяное давление падает до нуля, капиллярная сеть в верхних слоях эпидермиса закрывается, превращаясь в пустые трубки, — Хантер сделал короткую паузу, и кто-то из оперативников судорожно сглотнул, отведя взгляд. Дэйл, стоявший у двери, медленно побледнел, его пальцы вцепились в край стола так, что побелели суставы. — Скальпель Безликого резал уже мёртвую, обескровленную ткань.

Хантер говорил это настолько спокойно, точно читал инструкцию к бытовой технике. От этого контраста в душной комнате всем стало не по себе. Стоявший у двери молодой патрульный по имени Дэйл вдруг шумно сглотнул, мгновенно побледнел, резко наклонился и его бурно стошнило прямо в серую металлическую урну у судебного стола. Брызги

ударили по жестянке, в кабинете резко запахло кислым.

Никто из бывалых копов не засмеялся. Прежние насмешки оперативников окончательно сошли на нет, сменившись страхом перед этим странным «ребёнком».

Хантер даже не повернулся на звук рвоты. Он продолжал свою речь в той же тональности:

— Убийца не ходил за Брейди по пятам с ножом в рукаве. Он действовал умнее — взломал внутреннюю цифровую сеть снабжения центральной больницы. Какое-то время назад доктор Брейди через официальный каталог заказал редкий изофермент для поиска скрытых токсинов в миокарде. Этот прекурсор не нужен для стандартных анализов, но является отличной попыткой вскрыть формулу сыворотки Безликого. Убийца увидел это обновление в электронном журнале закупок и понял, что эксперт подобрался слишком близко к разгадке его схемы.

— Но как он прошел мимо постов? — хмуро спросил начальник участка, вытирая ладонью пот со лба. — Там камеры на каждом этаже, охрана на входе. На записях нет посторонних.

— Камеры в больнице старые, с низким разрешением, и смотрят они под высоким аналоговым углом на общие зоны, — Хантер слегка побарабанил пальцами по борту своего огромного пальто. — Убийце достаточно было надеть стандартный медицинский костюм, бахилы и обычную хирургическую маску. В семь вечера, во время пересменки персона-

ла и ухода последних посетителей, человек в форме врача — это невидимка. Охрана на него даже не взглянет. Скорее всего, Безликий бывал в этой больнице раньше под вполне легальным предлогом. Возможно, прикрывался статусом пациента или сопровождал кого-то из больных родственников, например, свою мать — это пока лишь гипотеза. Он изучил график Брейди, незаметно выкрал или скопировал ключ от лаборатории у дежурной медсестры и дождался, пока Шон уйдет на двадцатиминутный ужин в больничную столовую. Ему потребовалось всего тридцать секунд, чтобы войти в пустой кабинет и впрыснуть дозу токсина прямо в кружку, оставленную на столе.

Хантер сделал короткую паузу.

— Все ваши нынешние методы расследования — это просто топтание по грязи, — отрезал подросток, и в его голосе впервые прозвучало высокомерное презрение. — Вы ищете маньяка с ножом на темных улицах, пока он просчитывает вас через компьютерные сети. Мне не нужна помощь вашего отдела. Вы только путаетесь под ногами и уничтожаете улики. Все, что мне от вас требуется — это архивные папки по всем убийствам и тридцать последних отчетов патрульных.

Он развернулся к выходу, но у самой двери остановился и указал длинным худым пальцем на Томаса Коллинза.

— В напарники я забираю лейтенанта Коллинза. Он лично знал Шона Брейди, у него есть сильный личный мотив, и он не станет тратить время на пустую болтовню. И еще мне

понадобятся двое патрульных — Брукс и вот этот, у урны, Дэйл. Они будут просто выполнять мои приказы, возить меня по городу и носить коробки с документами без лишнего эго.

Для работы им выделили маленькую архивную каморку в самом конце коридора. Здесь было тесно, а единственное узкое окно выходило на стену соседнего здания. Патрульные Дэйл и Брукс притащили сюда две складные доски, а Томас положил на стол коробку с личными вещами Шона, которую успел забрать из лаборатории до того, как её опечатали.

Хантер сразу перешёл к делу. Он достал из папки фотографии трёх последних жертв (не считая Шона) — сутенёра, вора-взломщика и бывшего казначея — и магнитами прикрепил их к доске.

— Забудьте про секты, заговоры и мистику, — произнёс Хантер, даже не поворачиваясь к копам. — Никакого убийства на расстоянии не было. Это чистая биохимия.

Он указал пальцем на снимок сутенёра.

— Убийца синтезировал уникальную сыворотку. Попадая в кровь, она не действует сразу, а переходит в спящий режим. Этот состав запрограммирован среагировать на строго определённый внутренний таймер человеческого организма. В случае с этими тремя триггером послужил естественный предрассветный биоритм — например, утренний спад базовой температуры тела или резкий выброс гормона кортизола, который у всех людей происходит примерно в одно и то же

время. Безликий мог уколоть их в совершенно разные дни и часы. Но яд спал в их крови, пока часы не показали 04:12. В эту секунду токсин активировался и заблокировал сердца всех троих.

Хантер сделал паузу.

— Не заикливайтесь на цифре 04:12, — добавил он. — Это не универсальный триггер, а сознательный выбор убийцы для этой конкретной тройки.

Патрульные Дэйл и Брукс переглянулись. Теория звучала дико, но она мгновенно объясняла то, что копы посчитали чертовщиной.

Хантер повернулся к патрульным:

— Дэйл, Брукс, отправляйтесь в архив и поднимите мне списки всех школьных олимпиад по химии в округе за последние три года. Также мне нужны имена лучших учеников из профильных химико-биологических классов всех местных школ.

Томас резко выпрямился. Он нахмурился, глядя на подростка в огромном пальто.

— Ты сейчас шутишь, парень? — Томас сделал шаг вперёд. — Убийца три месяца водит за нос всё наше управление и федералов. Он взламывает больничные сети, подчищает базы данных и уничтожает улики так, что эксперты криминалистики кусают локти. И ты хочешь сказать, что этому гению не более семнадцати лет? Это бред. Нам нужен профессор университета, опытный лаборант из закрытого НИИ или

взрослый мужик с доступом к военному оборудованию, а не школьник.

Хантер выслушал его, не перебивая, и лишь слегка повёл плечом, отчего его слишком широкое пальто глубже нахлобучилось на спину.

— Ваша логика устарела, детектив, — спокойно ответил Хантер. — И вот вам три причины, почему я прав.

Детектив на секунду опустил взгляд, мысленно перебирая факты, а затем поднял глаза и отчеканил:

— Во-первых, любой взрослый профессионал — доцент, сертифицированный фармацевт или учёный — находится под жёстким надзором государственных баз данных. Каждый миллиграмм редких химикатов, токсинов или специфических реактивов в Окхейвене фиксируется при закупках. Если бы взрослый специалист пытался создать такой состав на профессиональном оборудовании, его бы уже давно взяли агенты DEA по цепочке поставок. Во-вторых, проанализировав метод Безликого, я понял: его сыворотка — это не чистый аптечный или военный продукт. Это агрессивный, безумный коктейль, собранный из бытовой химии, садовых удобрений и промышленных очистителей. Но этот коктейль был стабилизирован уникальным, с точки зрения академической науки — «неправильным» путём. Взрослый учёный зажат в жесткие рамки правил, стандартов и формул из учебников, его мозг просто не додумался бы смешать компоненты в таких пропорциях. Это работа гибкого, молодого и неза-

сорённого ума, который учился по закрытым статьям в сети и ставил опыты в обычном гараже, — Хантер перевёл дыхание, и Брукс, стоявший у стены, медленно вытер внезапно вспотевший лоб тыльной стороной ладони. — В-третьих, посмотрите на тех, кого он убивает. Кто для подростка с обострённым чувством справедливости и социопатическими наклонностями кажется самым бесполезным элементом, мешающим обществу развиваться? Бездомные, уличные сутенёры, опустившиеся алкоголики, мелкие воришки. Он не выбирает сложные цели. Он просто зачищает тех, кого видит каждый день по дороге из школы или во время прогулок по окраинам.

Дэйл и Брукс, дождавшись кивка Томаса, быстро вышли из кабинета, оставив детективов вдвоём.

Томас молча смотрел на Хантера. Его многолетний копский опыт и интуиция буквально кричали: парень прав по каждому пункту, его аргументы были железными. Но одновременно с этим Коллинз почувствовал странный холод в груди. В том, как Хантер описывал психологию и логику этого гипотетического «школьника-убийцы», было слишком много личных деталей.

У Томаса сложилось чёткое ощущение, что Хантер будто слишком хорошо знает, чей именно почерк он сейчас видит на телах погибших.

Похороны незадолго до приезда Хантера прошли быстро — в городе, охваченном паникой из-за Безликого, даже прощания с полицейскими экспертами проводили без лишней помпы. Коллеги из участка, отдав дань уважения, быстро разошлись по служебным машинам, торопясь вернуться к дежурствам.

Томас остался у могилы один.

Ветер пробирал до костей, но Коллинз даже не поднял воротник пальто. Он смотрел на скромный деревянный крест и никак не мог заставить себя развернуться и уйти.

В кармане куртки Томас достал мятую пачку дешевых сигарет — тех самых, которые Шон всегда таскал с собой, но почти никогда не закуривал. У Брейди была дурацкая привычка: в морге и лаборатории курить запрещалось, поэтому он часами мог держать незажжённую сигарету в зубах, гоняя её из одного угла рта в другой и утверждал, что это «помогает отбивать запах формалина и идиотизма вокруг».

«Чёрт бы тебя побрал, Коллинз, пять утра, в воскресенье...» — прозвучал в голове Томаса вечно недовольный голос Шона.

Томас сжал челюсти. Они проработали вместе много лет. Именно Шон учил молодого Коллинза не смыкать глаз на ночных дежурствах, именно Шон приносил ему дрянной пережаренный кофе из автомата, когда Томас валился с ног. Шон был единственным в этом чертовом управлении, кто никогда не задавал лишних вопросов и просто делал свое

дело.

Томас наклонился, вытащил из пачки одну сигарету и аккуратно положил её на свежую землю у подножия креста.

— Ты так и не выкурил её, Шон, — сказал Томас в пустоту. — Я найду его. Клянусь тебе, я его найду.

Он развернулся и пошёл к своей машине, не оборачиваясь.

Поздний вечер застал Томаса на подъездной дорожке к собственному дому. Он припарковал служебный седан, но не стал глушить мотор, позволяя тусклому свету фар освещать крыльцо. На обледеневших деревянных ступенях стояли три большие картонные коробки, наспех замотанные серым скотчем. Рядом, у обочины, стояла старая «тойота» Клэр с открытым багажником.

Томас медленно выпустил воздух из легких, заглушил двигатель и вышел в зимнюю темноту. Из дома вышла Клэр. На ней было старое пальто, а в руках она несла стопку книг. Заметив мужа, она на секунду замерла, но не отвернулась и не ушла обратно. В её позе не было агрессии. За последние месяцы они оба выплакали и выкричали все обиды. Сейчас сил на скандалы просто не осталось.

— Приехала забрать последнее, — сказала Клэр, аккуратно укладывая книги в багажник. Её голос слегка дрожал от холода. — Не хотела пересекаться с тобой, но застряла с ко-

робками.

— Я помогу, — Томас подошёл, взял с крыльца самую тяжёлую коробку и перенёс её в машину. На дне звякнула посуда. — Клэр, может, поговорим?

Женщина остановилась и посмотрела на него. Её глаза под опухшими веками казались совсем прозрачными в свете уличного фонаря.

— О чём, Том? — она покачала головой. — О том, что ты не спишь неделями? Дело ведь давно не в твоих ночных дежурствах и не в этом маньяке. Город сходит с ума, я всё понимаю. Но я больше не могу жить в долг. Мой лимит доверия закончился сегодня утром.

Томас нахмурился, чувствуя, как внутри неприятно кольнуло.

— Что случилось? Дежурный сказал, что Джимми отпустили под залог ещё в девять утра. Я собирался найти его после смены.

— Твой брат окончательно сломал нам жизнь, вот что случилось, — Клэр выпрямилась, и в её голосе впервые прорезались горькие нотки. — Как только его выпустили, он пришёл сюда. Он знал, где лежит ключ, знал, где я прячу остатки денег. Джимми задолжал огромную сумму Бойду — этому букмекеру с контейнерной станции. Бойд со своими громилами караулил его прямо у ворот участка. Чтобы отдать хотя бы часть процентов и остаться с целыми ногами, Джимми выгреб из нашего семейного тайника всё до последнего цен-

та. Всё, что я откладывала на операцию маме.

Томас застыл у багажника. Руки, вцепившиеся в край кузова, побелели в суставах.

— Чёрт... Клэр, я найду Бойда. Я прижму его, заставлю вернуть...

— Ты ничего не сделаешь, Том! — перебила она его, и из её глаз всё-таки покатались слёзы. — Бойд не дурак, он не держит нал при себе. А Джимми сам отдал ему деньги. Ты же коп, ты знаешь законы. Единственный способ вернуть их — завести на твоего брата официальное дело о краже со взломом. Но ты ведь этого не сделаешь, верно?

Томас промолчал. Он опустил голову, не в силах выносить её обвиняющий взгляд. Клэр была права. Шесть лет назад, когда их мать умирала в окружной больнице от рака, Томас сидел у её кровати и держал её за иссохшую руку. Он лично пообещал ей, что присмотрит за младшим братом, чего бы это ни стоило, и никогда не даст ему сгнить в тюрьме. Он был связан по рукам и ногам собственным словом.

— Так я и думала, — Клэр вытерла тёплые слёзы тыльной стороной ладони и села за руль «тойоты». — Ты пообещал маме защищать Джимми, но из-за этой защиты ты уничтожил нашу семью. Прощай, Том.

Она захлопнула дверь. Двигатель послушно завёлся, машина резко сдала назад, развернулась и через несколько секунд растворилась в густом зимнем тумане в конце улицы.

Томас остался стоять на заснеженной дорожке. Он мед-

ленно повернулся, поднялся по ступеням и вошёл в пустой дом. Внутри было холодно — он так и не включил отопление. Мужчина сел прямо на пол в прихожей, прислонившись спиной к закрытой двери, и уставился в темноту коридора.

Он чувствовал себя раздавленным и беспомощным. Опытный детектив убойного отдела, человек, который прямо сейчас пытался переиграть хитроумного серийного убийцу и спасти целый город, оказался не в состоянии навести элементарный порядок в собственной жизни и защитить женщину, которую любил.

На следующее утро Томас зашёл в архивный кабинет бледным, с заметно трясущимися руками. Он так и не смог уснуть, проведя остаток ночи на полу в прихожей своего дома.

Хантер уже был на месте. Подросток сидел на жестком офисном стуле весьма своеобразно — он забрался на него с ногами, подтянув колени почти к самому подбородку, из-за чего его тёмное шерстяное пальто полностью скрывало фигуру, делая её похожей на какой-то бесформенный кокон. Вокруг него на полу и на столе громоздились ровные стопки архивных папок. Хантер не стал спрашивать Томаса о причинах его ужасного внешнего вида. Вместо этого он молча, не меняя позы, протянул Коллинзу чашку с горячим свежесваренным чаем и запечатанный сургучом конверт.

Томас нахмурился, принял чашку и уселся напротив. Отставив чай, он аккуратно надорвал плотную бумагу конверта и вытащил оттуда несколько официальных листов. Это были бланки налогового департамента штата и ордер на немедленную заморозку коммерческих активов.

Хантер перевёл взгляд на Томаса. Мальчишка почти никогда не смотрел людям прямо в глаза. Он фокусировал свой взор либо на чужих руках, считывая малейшие микродвижения пальцев, либо на переносице собеседника. Из-за этой странной привычки его взгляд казался окружающим «рентгеновским», будто парень видел человека насквозь.

— Во время осмотра притона на Эш-Стрит ты был невнимателен, Коллинз, — произнёс Хантер. — Твоя реакция на оперативные радиосообщения была заторможенной на три секунды выше твоей обычной нормы. Я изучил твой личный профиль в базе данных департамента, нашёл недавние призывы твоего младшего брата Джимми и за два часа вычислил через реестры фирму-однодневку, через которую местный букмекер Бойд крутит свои нелегальные доходы от ставок.

Томас замер, переведя взгляд с бумаг на подростка.

— Сегодня ночью я отправил официальный запрос в службу финансового аудита от имени министерства юстиции, — продолжал Хантер, даже не шелохнувшись. — Час назад юристам Бойда мягко намекнули: если с Джимми Коллинза не будут немедленно и полностью стёрты все долги до

единого цента, Бойда арестуют за незаконные финансовые операции и уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере уже сегодня к обеду. Ордер перед тобой. Долг твоего брата аннулирован, претензий к вашей семье у букмекеров больше нет.

Томас почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Что касается самого Джимми, — добавил Хантер, — то по моему личному распоряжению его прямо из участка посадили на утренний автобус до Огайо. Он едет в закрытый реабилитационный центр закрытого типа для зависимых. Администрация центра подчиняется федеральному ведомству, Бойд его там не достанет. Да и Безликий, если моя теория верна, не станет искать жертву за пределами Окхейвена.

Проблема, которая месяцами уничтожала жизнь Томаса, лишила его сна, разрушила брак и загоняла в угол бессилия, была полностью решена шестнадцатилетним парнем за одну-единственную ночь.

Томас опустил на спинку стула. В груди поднялась волна искреннего уважения к этому странному мальчишке, сидевшему напротив него в нелепой позе.

— Как ты... зачем ты вообще это сделал? — хрипло спросил Томас, сделав первый глоток чая.

— Я обязан изучать личные дела всех моих временных подчинённых, — Хантер слегка повернул голову, теперь изучая переносицу Коллинза. — Состояние твоего брата, долги, внезапный уход твоей жены Клэр — сопоставить эти факты

и сделать выводы было несложно. Мои напарники должны работать с ясным умом, детектив. Если ты будешь думать о долгах брата во время преследования Безликого, ты совершишь ошибку. А ошибки в этом деле стоят жизни. Я просто ликвидировал твои насущные проблемы, чтобы вернуть тебе рабочую эффективность.

Томас долго молчал, разглядывая гербовую печать на бумагах. Затем он поднял глаза, прямо встретив этот немигающий взгляд подростка.

— И всё же, Хантер. Зачем тебе всё это? — без прежнего недоверия спросил Коллинз. — Тебе всего шестнадцать лет. В твоём возрасте парни должны думать об оценках, выпускном, машинах и девчонках. Как ты вообще оказался здесь, на официальной службе у министерства юстиции?

Хантер впервые за всё время отвёл взгляд и уставился на узкое окно, за которым кружил редкий снег. Его плечи под крупным пальто слегка опустились.

— Когда мне было двенадцать, моего отца подставили, — без прежней надменности произнёс парень. — Он работал главным бухгалтером на крупном арматурном заводе. Со счетов предприятия пропали полтора миллиона долларов. Местная полиция пошла по самому лёгкому пути: они не стали копаться в серверах, а просто сшили дело из поверхностных улик и закрыли отца в тюрьме округа. Через год он умер в камере от обширного сердечного приступа.

Хантер помолчал, переводя дыхание.

— Я провёл восемь месяцев в его кабинете, изучая те самые финансовые отчёты и налоговые декларации, которые копы даже не открывали. В итоге я нашёл реального вора — генерального директора завода, который выводил деньги через дочерние фирмы в Делавэре. Я сам пришёл к федеральному прокурору штата и положил ему на стол двухсотстраничный аналитический разбор с доказательствами. Знаешь, что они сделали? Им было гораздо проще взять меня на официальную работу в качестве внештатного консультанта, чем объяснять прессе, почему двенадцатилетний ребёнок в одиночку выполнил работу целого департамента юстиции.

Хантер снова посмотрел на Томаса.

— У меня нет времени на выпускные вечера и девчонок, Томас. Я просто очень не люблю, когда этот мир ломает нормальных людей, а виновные уходят.

Коллинз молча допил остывший чай. Все его сомнения и настороженность по отношению к этому странному подростку исчезли. Томас коротко кивнул, убирая конверт с аннулированным долгом брата во внутренний карман куртки. С этого момента они перестали быть надзирателем и высокопоставленным ребёнком. Они стали напарниками.

Хантер отвернулся к столу. Он потянулся за стопкой личных дел, и его рука на мгновение замерла над пластиковой коробкой, в которой лежали конфискованные вещи одной из жертв.

На самом верху, поверх старого бумажника и потёртого

портмоне, лежал дешёвый плёночный фотоаппарат «Олимпус» с потрескавшимся кожухом. Хантер смотрел на него ровно три секунды.

— Что там? — спросил Томас, заметив эту странную паузу.

Хантер моргнул, и его лицо снова стало непроницаемым.

— Ничего. Просто старая модель. Их уже не выпускают, — он отодвинул коробку в сторону и взял другую папку, но его пальцы на секунду дрогнули, коснувшись металлического ободка объектива.

Полночь. В архивном кабинете давно выключили верхний свет — от мигающей люминесцентной лампы у Томаса начала раскалываться голова. На углу стола горела одна-единственная настольная лампа с зелёным плафоном, выхватывая из темноты узкий круг света.

Патрульные Дэйл и Брукс, зевая и волоча ноги от усталости, притащили последние две коробки из школьного архива Окхейвена.

— Это всё, детектив, — прохрипел Брукс, вытирая пот со лба. — Личные дела всех старшеклассников города за последние три года. Мы можем идти?

— Да. Свободны до шести утра, — не поднимая головы, бросил Хантер.

Подросток работал с бешеной скоростью. Он листал пух-

лые папки, бросая один короткий взгляд на оценки и характеристики, и тут же отбрасывал их в сторону. Под его критерии не подходили круглые отличники с идеальными, открытыми биографиями — Безликий, по его мнению, должен был маскироваться гораздо глубже.

Томас сидел напротив, лениво перебирая старые рапорты патрульных, и краем глаза наблюдал за напарником.

Хантер запустил руку на самое дно последней коробки, где лежали личные дела учеников, перевёвших в школы Окхейвена за последние несколько месяцев. Он вытащил очередную папку из плотного серого картона.

На первой странице, прямо сверху, на металлической скрепке держалось маленькое паспортное фото. С правого верхнего угла снимка на Хантера смотрело обычное лицо шестнадцатилетнего парня: аккуратная кудрявая причёска с выбритыми боками, лёгкая, едва заметная полуулыбка, голубые глаза и маленький прыщик над верхней губой.

В графе «Имя» было напечатано: **Аарон Фрост**.

Рука Хантера, державшая чернильную ручку над листом, резко застыла в воздухе. Его дыхание перехватило. Томас явно слышал, как парень судорожно втянул носом воздух. Зрачки Хантера мгновенно расширились, практически полностью затопив блёклую радужку глаз. Он буквально окаменел, превратившись в восковую фигуру, и уставился на фотографию старшеклассника так, будто увидел перед собой восставшего из могилы мертвеца.

Хантер медленно опустил взгляд ниже, в таблицу успеваемости.

В графе «Химия» за последний триместр стояла жирная, выведенная красной пастой круглая двойка.

Томас, заметив внезапную тишину, оторвал глаза от своих бумаг и посмотрел на напарника. Лицо Хантера было бледнее обычного, а на лбу выступили мелкие капли пота.

— Хантер? — Томас подался вперёд, опёршись локтями о стол. — Эй, парень, ты чего? Нашёл что-то стоящее в этой коробке?

Хантеру потребовались доли секунды, чтобы вернуть себе маску спокойствия. Ни один мускул на его лице больше не дрогнул. Он с громким стуком захлопнул серую папку Аарона Фроста. Быстрым движением он убрал её в свою личную кожаную сумку, стоявшую на полу у его ног — подальше от глаз Томаса.

— Ничего, — сказал Хантер. — Обычный сирота, переехал к бабушке. Никаких склонностей к точным наукам.

Томас не сводил с него глаз. Что-то в поведении напарника казалось неправильным. Дело было в том, *как* Хантер смотрел на фотографию.

— Ты уверен? — переспросил Коллинз.

— Я сказал, ничего, — отрезал Хантер и добавил почти шёпотом: — Обычный парень. Тысячи таких.

Хантер соскользнул со стула, встал на ноги и начал застёгивать пуговицы своего огромного пальто.

— На сегодня всё, Томас. Мы оба слишком устали, глаз замылился. Езжай домой, поспи хотя бы четыре часа. Завтра утром начнём проверку школьных архивов в соседнем округе. В Окхейвене мы закончили.

Хантер подхватил сумку, развернулся и быстрыми шагами вышел из архива, оставив Томаса в одиночестве под зелёной лампой. Коллинз проводил его хмурым взглядом. Он точно знал: парень только что солгал ему. И эта ложь пугала детектива больше, чем все трупы на улицах города.

Глава

IV

. Проверка на прочность

3

апах дешёвой типографской краски от свежих бланков окружного теста смешивался с душным воздухом кабинета органической химии. Третий урок тянулся невыносимо медленно. На столах перед учениками лежали листы со сложнейшими многоуровневыми заданиями по углеводородам и полимерам — министерство образования устроило внезапную проверку знаний по всему штату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.